

А я сегодня в Иерусалиме.
В монастыре Крестовом столько книг!
Не всё исчезло в пламени и дыме...
Я счастлив, что желанного достиг.
Склоняюсь в тишине над письменами,
Сколь многое сокрыто в этом храме!

И что я вижу!.. “Чёрный Иоанн”¹,
“Пицундский Иоанн”, — такое имя
Исходит из писаний сквозь туман...
Ты — здесь и там с деяньями своими!

Сюда, учёный! Ждёт тебя давно
Посеянное некогда зерно.
Коснись его — живой воспрянет колос!
А нет — исчахнет всё, что здесь боролось,
Зерно познания, ссохшись, сгинет даром...

Вот письмена, изученные Марром...²
Пергаментами занимался он...

Так много этой памяти времён
В Европе, на Руси, в горах Кавказа
И в Азии!.. Скрывается от сглаза
В сокровищницах пыльных стольких стран!
И ты забыт, затерян, Иоанн!

Я всё листаю старых книг страницы,
Где есть упоминанья о тебе,
Текущие, как бусин вереницы...
Померкла память о былой борьбе,
Твой мир переменялся, многолицый.

Была тебе твердыня эта домом,
И, если стены вдруг заговорят, —
Напомнят об отшельнике знакомом,
Здесь обитавшем столько лет назад.

Сын Питиуса, ты ведь был абазгом,
Сюда добраться церковь помогла,
И в этом храме, издревле кавказском,
Твой голос вятен и душа светла.

Ты здесь трудился, презирал безделье,
Читал, писал, ютился в тесной келье.
Глядели все, как буквы выводил,
Склонялся, призадумавшись, над словом.
И восхищались, будто чем-то новым,
Диковиною ты для здешних был.

Историю святых из Питиунта
Писал ты, загораюсь поминутно.
Вложил всю душу в эти жития.
К преданиям, к абхазским шёл истокам,
Весь воплотился в подвиге высоком,
Чтоб родина прославилась твоя.

Мой брат в столетьях, Чёрный Иоанн,
Твоей несущи частицу крови в жилах!
Ты жил здесь и, в своих дерзаннях рьян,
Мечтал — до берегов родных и милых
Из этих мест, не растеряв в пути,
Сеи святости хоть малость донести.

Святому посвятив свой светлый разум,
На языке абхазском ты абхазам,
Волнуясь, Слово Божье возвестил,
Слуга Господень, бодр и полон сил!..

Истаяла свеча, угас огарок,
Но свет иной стал в полном мраке ярком.

Знал языков ты много, но родной
Лелеял сердца жгучей глубиной.
На нём и славил речью непустою
Отчизну, что всегда была с тобой,
И на чужбине не был сиротою.

Ты от зари, писец и переписчик,
Над свитками трудился дотемна,
В обрывках, что спаслись на пепелищах,
Распознавал живые письмена.

Ты Господом благословлён был рано,
Священниками Амзары сюда
Был послан в этот край обетованный
Во имя благодатного труда.

И был ты окружён учениками,
И Сам Господь досматривал за вами.

Подвижники — тот пеший, этот конный,
Кто на галере по волнам морским —
Вы с трепетом, с мечтой неутолённой
Все пробирались в Иерусалим...

В те времена абхазам и грузинам
Случилось долго в царстве жить едином.
Здесь, осенив библейские места,
Воздвиглось вдруг подобие креста.

Так три ствола древесных здесь сплотила
Какая-то неведомая сила.
А после них на поле том же самом
Воздвигся храм, что стал Крестовым храмом.
И, каждодневный труд свершая свой,
Монахи жили дружною семьёй.

Сказанье, сохранённое доселе,
Гласит, что был среди них и Руставели —
Так далеко поэта увела
Судьба, мирские оборвав дела.

Вот вижу я портрет его настенный...
Да, старец тут изображён почтенный,
Что молится, коленопреклонён...
Свою земную жизнь здесь кончил он.

Постойте возле храма и взглядитесь
В каменносечный памятник Шота!
Поэты-братья! Сердцу дорог “Витязь”!
Поклон я отдал, и душа чиста...

Здесь в тишине промчались век за веком,
И храм принадлежит сегодня грекам.

О, Иоанн, ты много лет писал,
Вместилось много красок в твой пенал,
И сам ты извлекал их из растений
И смешивал... Был всех святых блаженней,
Когда бессмертье буквицам давал.

Внесённая пером из тростника,
Легла на кожу каждая строка.
Изящны буквы в книгах Иоанна.
Заглавная всегда крупна, багряна,
Не выцвела ничуть и в наши дни.

Вид прочих букв отменно чётко, чёрен,
И этот лист пергаментный просторен,
И не соприкасаются они.

Над свитками трудился ты умело,
Писанье изучая, делал дело.

Евангелья лежали на столе,
И ранним утром и в вечерней мгле
Трудился ты над выделанной кожей,
Её заполнив вещим Словом Божьим.

Огромен был развёрнутый рулон,
Вновь после чтенья скручивался он.

Удержанное деревянной осью,
Ложилось вновь Писание на стол,
Оно вмещало всё многоголосье —
Ты через сердце всё его провёл.

Но создавал ты здесь не только свитки,
Порой у книги образ был иной,
Суровые сшивали кожу нитки,
Состав соединяя четверной.
Ты был и переплётчик, и разметчик,
Нарезанных страниц вмещалось десять
Меж твёрдой кожей, между двух дощечек,
И облекалось в бархат... Книг не счесть!
Но вновь входила в мир “Благая весть”!

Благословил Всевышний ремесло,
Которое здесь древле расцвело...

Ты виден мне, хоть слёзы взгляд застлали,
И тень твою я здесь ищу в печали.
И слышу я, вступая в Божий дом,
Что молишься на языке родном.

Как хоровое пение из рая,
Твой голос, голоса учеников
Звучали здесь, молитву сочетая
С абхазской песней канувших веков.

Трудясь в затворе, без большой опаски,
Мечтал ты, давним замыслом томим,
Писанье возгласить и по-абхазски —
Не зря пришёл ты в Иерусалим.

Ты жизнь свою возвёл на твёрдом грунте,
Был на дороге Богом не забыт,
И в юности, ещё и в Пителинте,
Ты греческий освоил алфавит.

Тона абхазских звуков, перепады
Передавались буквами Эллады.
Труд праздничен, привычен скудный быт!

Но набегали турки, бедуины,
Всё жгли, покоя не давали вам,
Свирепых ратей двигались лавины,
Хотели сокрушить и этот храм.

И рукописи столько сгорели!
И на золу, на пепел в пятнах цвѣли³
Ронял ты слёзы, Чёрный Иоанн!

Всё ж воскресала сила христиан,
Её вливала в них земля родная...

В храм возвращались, выполов бурьян,
Служение своё возобновляя.

Но в отчий край, покинутый давно,
Вернуться было уж не суждено
Отдавшему всю жизнь служенью Богу.
Почувствовав, что близок твой конец,
Постился ты, подвижник и чернец,
Два месяца...
И таял понемногу.

Совсем не ест, порой лишь воду пьёт
И смотрит в потолок, в высокий свод,
И, думая о Царствии Небесном,
Всё видит вдалеке свою страну,
Свой Питиунт, приливную волну,
Холмы, озёра, Бзыби быстрину,
Леса густые в шелесте древесном.

Как на ристаньях мчались скакуны,
Как в храме том, родном, горели свечи!
И звуки тех молитв тебе слышны,
И длится зов своей земли и речи,
Всё ближе, всё виднее, всё слышней...

Но тьма застлала очи, тонешь в ней,
Весь пребывая в таинстве великом.
Настала расставания пора,
И стал ты легче птичьего пера,
Твоё лицо суровым стало ликом.

Ушла душа, прекрасна и чиста,
Открылись Царства Вечного врата,
И — там она, куда всегда стремилась!
Иль каждому дарует Божья милость
Желанные его душе места?

Здесь завершилась жизнь твоя земная,
Вокруг монахи собрались, стеная:
— О, горе! Питиунтский Иоанн! —
Скорбя, ученики твои рыдали
И видели отчизну сквозь туман.
Тянулись к ней из этой дальней дали,
— Прости его, Господь! — твердя стократ.
Взывали горько:
— О, наш бедный брат!
И отзывалась родина, тоскуя.
И раздалось чуть слышно: “Аллилуйя!”
...И долго не могли унять тоски
Любимые тобой ученики.

Господь позвал — душа была готова,
И ангелы в сияющую высь
Её несут во имя жизни новой...
За ней напрасно демоны гнались.
И вот уже она с Всевышним рядом
И любящим Его согрета взглядом.

Писанья вдохновенный переводчик,
Весь жар души и сердца чистоту
Отдавший каждой из священных строчек,

Тебя благоговейно я почту!
Сын Амзары, её лесов сосновых,
Весть о тебе я отнесу туда...
Тебя не помнят в поколениях новых,
Приметы смыло время, как вода.

Давно ушедший в райские селенья,
Где небо душу чистую ждало,
Причислен ты к святым без промедленья...
Так пусть тебя припомнят поколения!

Преданье столь прекрасно и светло...

Я по следам твоим иду годами,
Не выходя из этой колеи.
Перебираю рукописи в храме
И с трепетом меж них ищу твои.

Вновь письма, что вывел ты любовно,
Рождаются, пройдя через века,
Все возникают, выстроившись ровно,
И за строкой является строка.

Увы, не скажет ничего стена,
Что помнит страстотерпца времена,
Но дорожу приметой люблюю,
И всё же, всё же говорю с тобою!

Витающую душу узнаю,
Которая давно уже в раю.

* * *

Убит злодейски Иоанн из рода Геги...⁴
О, яркий светоч Лыхненской земли!
Промчались годы в невозвратном беге,
Не исказив твой образ, протекли.

Навек на стену Лыхненского храма
Томящаяся тень твоя легла.
Кровавая здесь совершилась драма,
И всё о ней гласят колокола.

А дни текли, как страшный сон тягучий,
Сгущались над народом нашим тучи,
Грозя огнём и затмевая высь,
И в схватке Русь и Турция сошлись⁵.

Паденье турок, русская победа...
А нам — упрёки нового соседа:
“Вы предали, не с нами были вы!”
Куда от этой спрятаться молвы!

И нашу землю сильные делили
И поделить, сражаясь, не могли,
И нас теснили, покоряя силе,
Чтобы стереть с лица родной земли.

А ты взывал к народу: “Погодите,
Ну, потерпите хоть ещё чуть-чуть,

Помедлите, не выходите в путь!
Земля, нам Богом данная, родная,
Без нас пустыней станет неживой...”
Увещевал ты, слёзы проливая...
Предвидел ли конец ужасный свой?

С отчизной ты молил не разлучаться
И осуждал того, как святотатца,
Кто за́ море собрался в горький час...⁶
Нет, там спасенья не было для нас!

Но кто же устоит перед потоком,
Мосты сносящим в натиске жестоком!
Кто услышал мольбы твои, кто внял!
Ты братьями задушен, скошен роком,
Затоптана молитва, хлынул вал...

И в рай другим ты призван Иоанном,
Сошлись там ваши крестные пути...
И плач стоял над телом бездыханным —
Погубленным корням не прорасти!

...Всех праведников твёрже и упрямей,
Служил ты Богу и задушен в храме!
Убитый, ты упал на солею⁷,
Но не убили истину твою.

Мольба твоя доносится до нас:
“Накрыло всех и всё водоворотом!
Загубленный безвинно, я угас...
Был тяжким век, наигорчайшим час,
Но не корю отсюда никого там!

Народ терзали, был он зол и нищ,
Дома сжигали и с земли сгоняли.
Лишённые и пищи, и жилищ
Изгнанники толпились на причале.

И шли, и шли... А был ли путь другой?
Шумело море, выгнувшись дугой.
Моим здесь не внимали уговорам...
Кого винить, кого казнить укором?

Нет, не виню... Ведь жребий беглеца
Ужасен был и надрывал сердца,
И, что творят у гибельного края,
Не ведали убийцы, убивая.

Так были их гонители страшны,
Тонул народ под гул большой волны.
Уплывшие, найдя иную сушу,
Спасали тело, оставляя душу”.

О, светоч наш, премудрый Иоанн,
Наставник, что ведёт беседу с нами!
Какой-то в мире, верно, есть изъян,
Когда священник погибает в храме.

Твой голос — он из сердца моего
Звучит сегодня: “Не суди жестоко!”

И с благовестом входит в торжество
Свет истины сквозь мутный вал потока.

Твой бурный дух, что столько перенёс,
Всегда пребудет в древнем храме Лыхны.
В пучине прежних бед, в пыланье слёз
Скорбит Апсны, и эта боль не стихнет.

* * *

Дырмит⁸, чьё слово мощно и напевно,
Ещё с ним трое, взявшихся за труд,
Писанье переводят каждодневно...
Не переводят — душу отдают.

У сельского священника недаром
Он обучился чтению и письму,
С тех пор оваян тем священным жаром,
С каким открылась Истина ему.

Вложил он много молодого пыла
В начертанное чётко, набело.
Пророков слово у него гостило,
И большего быть счастья не могло.

...Он помнит всех, принесших Божье слово
И погребённых некогда в Апсны.
Он переводит, приближаясь снова
К самым корням словесной глубины.

И наш древнейший колокол гудит,
И Питунта возникает вид,
И, выплывая из народных сказов,
Звучит молитва первая абхазов.

Всё ясно:
Не убий
И не кради,
Гордынею не оскверни души,
Забудь о вождельнях
ближних ради,
Предательства страшись и не сверши!..

Он переводит... Вот он в Палестине,
По храму бродит... И свежа доныне
Благая весть, и о судьбе Христа
Печалится столетий пестрота.

О, поцелуй предательский Иуды!
Не может быть забвенья и остуды,
И вновь во гневе мечется, кипит
И всё клянет предательство Дырмит.

Вот — сребреники, за измену плата...
А этот суд, неправый суд Пилата!
Где справедливость?!

Непосильный груз —
Свой крест — несёт согбенный Иисус...

И вот окончен перевод абхазский,
Евангелие издано... Хвала!
Но незаметен подвиг... Нет огласки...
Не зазвонят о нём колокола.

Евангелье абхазское горит,
И груди пепла видишь ты, Дырмит!
Хотел бы слёзы скрыть, но в скорбном плаче
Они на пепел падают горячий.

Так топчут веру, на костре сжигая,
И тлеет в муках истина живая.
Собравшись, нечестивцы все подряд
Всё вновь тебя терзают и хулят.

Кто храмы защитит страны, так рано
Христа принявшей? Мир — сплошная рана!
Не сохнут слёзы жгучие — кипят,
Как будто сам ты на кресте распят!

Колокола пустили в переплавку,
Закрывают церкви и темным-темны,
И на страну накинули удавку...
И распинали не саму ль Апсны?!

Земля и небо сокрушились разом,
Кресты ломают, и над всем Кавказом
Одной молитвы слышен нудный гуд —
То красный серп и молот гимн поют.

Не вырваться из этих грязных лапищ,
Сломали храмы, понастроив капищ.
Иконы уничтожила гроза,
Даны взамен иные “образа”.

Убитый горем, но живой и зоркий,
О родине ты молишься в каморке.
Всё за спасенье родины от бед!
Но пусть не слышит даже и сосед...

Монастыри громят и грабят храмы,
И всё крушит безумная толпа,
Нахлынули воинственные хамы,
Спасенья нет от красного серпа.

И вся страна громадная пожаром
Охвачена. Горят её леса,
И города, и сёла... В гневе яром
Загублены богатства и краса.

И устали не знает красный молот,
Став наковальней. — Господи, прости! —
Ударами весь мир былой расколот...
Как пережить всё это, как снести!

Ограблен и древнейший Моквский храм,
Зарос бурьяном... Всюду сор и хлам...
А что же с Питиунтским сталось храмом?
Обезображен сбродом тем же самым.

Понур наш переводчик и угрюм...
Весь труд ночей, что протекли бессонно,
Жгут на подворье Нового Афона,
Невыносимы эти гарь и глум!

И трудятся безбожники все вместе,
Для них паскудство — месть и дело чести.
И вместо благодарности, Дырмит,
Дождался ты горчайшей из обид.

И новый “Светоч” утверждён во власти,
В крови омытой, как уж ни раскрасьте...
И на Голгофу радостно несут
И на кресте твой распинают труд.

Ты видел грех, святынь позорный вынос...
Ты мучился, Дырмит... Прости, прости нас!
Но знай: вовек ни пламя, ни война
Твои не уничтожат письмена.

Ты путь земной свершил, и не обрящем
Следов тех лет, всё стёрлось, отцвело...
Тебя среди архангелов парящим
Я вижу, и в душе моей светло.

* * *

О, храмы наши, в вас — душа моя!
Уже столетья ваша слава длится!
Скрепили вы Истории края,
Вы сами — Слова Божьего частица.
Вы — часть пути, который был велик,
Вы — образы страны, чья вереница
Отчизны цельный созидает лик.

В Абхазии, куда ты ни пойдёшь,
Увидишь храмы древние, что всё ж
Здесь устояли под смертельным валом...
И каждый так по-своему хорош
Дом Господа,
Будь он большим иль малым.

По воле Божьей строились они...
Тут было Богородицы желанье,
Андрея Первозванного призванье
И Симона возвышенное тщанье,
И Матфия моленье в оны дни.

Их именем звонят колокола,
Молящиеся плачут в умиленье,
Дым ладана и веянье тепла
Восходят к Богу,
В горние селенья.

И стар, и млад с большой душевной силой
Здесь произносит: “Господи, спаси!” —
И раздаётся: “Господи, помилуй!” —
И возлетает к сущим в небеси.
И, как в глубокой древности, сегодня
Нам свет даруют все Дома Господни.

И в память павших за Отчизну жгут
Бесчисленные свечи там и тут.

Абхазия, на бой твои сыны
Шли с Богом, гордой участи достойны.
Они твердили: “Бог есть у Апсны!
Он осеняет праведные войны...”

И души их витают здесь незримо
В сиянии среди ладанного дыма.

— Под сонмом этих душ, душа моя,
И ты витай! Пусть льётся лития⁹!..
Родители, коль живы, ставят свечи,
Молясь, мечтая о загробной встрече.
Блажен идущий по дороге в храм!
Бессилен дьявол, если сам ты прям.

Дорога в храм — путь любящих сердец,
Конечно, там любовь и ждёт венец,
Влюблённым радость светлую даруя,
И благодарно грядет: “Аллилуйя!”

Любовь — есть то, что в жизни держит нас,
Мир без неё поблёк бы и угас.
Она казнит и требует усилия,
И мучает, и нам дарует крылья.
Постигни нрав и выучи язык
Любви, чей дар бесценен и велик!

Ведь золото, богатство — всё тщета!
В любви — восторг немеркнувшего света,
И без неё была бы жизнь пуста...
Душа моя, давно ты знаешь это!

Любовь и в отдалении сильна,
Не знает расстояния она,
Преград не терпит, смерти не боится,
Как дерево, растёт и ввысь стремится...
Его лишь крепче корни, что ни год,
Оно, и умирая, зацветёт.

Он и Она, вы здесь всего важней,
И жизнь, и этот день принадлежат вам.
Вы — в мире гости, но в потоке дней
Святую верность сохраните клятвам!

...Ты ей на палец перстень золотой
Надень любовно, рядом с ней постой!
Семью создайте и детей родите,
И Божью милость этим заслужите!

Родные храмы, вас я в сердце нёс,
Под вашей кровлей столько пролил слёз!
Те слёзы — по Елене светлолицой,
Что мне была отрадою великой.
По ней всё плачет, вечно горяча,
Не гаснет мной зажжённая свеча.

И свечи за родителей я ставлю,
Их имена твержу, их подвиг славлю,

О счастья молюсь детей своих,
О здравии всех близких и родных,
О том, чтобы мечтания сбылись...
Здесь от стены, подобна звукоряду,
Молитва эхом взлетает ввысь.

— О, храмы, мне дающие отраду,
Надежду возвращающие мне,
Молюсь за вас в могучей тишине!

* * *

Мой Питиус, ты — веры колыбель,
Огонь в тебе не гаснет и досель!
С начальных дней хранимый высшей силой,
Фундаментом ты христианства был,
И тут служил епископ Стратофил¹⁰,
Что стал как светоч для отчизны милой.

Ты — Амзара! Здесь, как небес опора,
Высоко поднялись верхушки бора.
Святой земли святые сторожа,
Застыли сосны, небосвод держа.

И древние нам повествуют были:
Того, кто срубит хоть одну, казнили...
Вот сосны драгоценные стоят,
Они всё те же, что века назад.

История текла здесь неуклонно,
Воздвиглась церковь, и во время оно
Епископ Питиунтский Стратофил
Её благословил и освятил.

В дни Первого Вселенского собора
Средь равных равным питиунтец был...
Великолепный, сладостный для взора,
Наш храм столь древен и потомку мил.

Здесь в ладанных струенях дымно-сизых
Епископ шёл к святыне солей,
Нёс с образками на блестящих ризах
Звезды рассветной отсвет золотой.

Звук в этом храме реял всё высотней,
И, если пели десять человек,
Казалось, что поёт не меньше сотни...
Такой нам гул оставил давний век.

И зелень вечной юности, и память
В тебе живут, Пицунда! Ты смогла
И времени напор переупрямить,
Навек чиста осталась и светла.
Я, в колыбели святости твоей
Качаясь, вижу блеск звезды над ней.

У нас повсюду крепостей обломки;
Безмолвны и красноречиво-громки.
Кресты так часто изображены
На камне груботёсаном стены.

Бывают вняты эти отпечатки,
Иные полустёрты, смутно-гладки.
Всё ж, уцелев среди дождей и вьюг,
Ещё стоят родных твердынь остатки
И превратились в памятники вдруг.

И нимба Иисова лучи
На них упали, вечно горячи.
С апостольских времён, моя Апсны,
Со Словом Божиим шли твои сыны!

Прошли века, но и сейчас, как древле,
Крест осеняет нашу жизнь и землю,
И не оспорить, что моя страна
Апостолами вся освящена.
Здесь шёл Андрей,
Почили Симон, Матфий,
Им кланяются люди до земли.
Крепка их верность стародавней клятве.
Есть Бог у нас, и мы Ему верны,
И ведь недаром Он избрал Апсны!..

* * *

Далёко ты теперь, пицундский мастер,
Что всем умельцам солнце в небе застил.
Но в целости до наших дней дошёл
Настеленный тобой церковный пол.

Ты рыбой и косулей, и оленем
Украсил глину, и в эпоху ту
Смог передать души своей томленьем
Своей отчизны жизнь и красоту.

С родной землёй незримой связан цепью,
Ты к голосам природы не был глух,
Дивился ты земли великолепью...
Твой дух — её необоримый дух.

Ты обращался мысленно к истокам
И, в точных красках жизнь запечатлев,
Весь путь познания в поиске высоком
Пересказал нам их немой напев.

Кровь за родную землю проливая,
Ты был её могучим силам рад,
За будущность отеческого края
Стоял горою, о, мой древний брат!

Я словно бы стою с тобою рядом
И преклоняюсь перед зорким взглядом
И этим даром, выжившим в борьбе...
Пришлось так много вынести тебе!

Благоговею перед этой глиной —
Её ты оживлял, в руках держа, —
Пред вереницей образов столь длинной,
Пред росписями — в них твоя душа.

* * *

Родная Гагра, храмы твои святы,
В них память об Ипатии¹¹ Святом.
Звучат в них песнопений перекаты,
И длится служба в блеске золотом...
И древние кресты продолговаты...

Безмолвной стражей сосны тут сошлись,
Стройны, как свечи, что стремятся ввысь.
Всё помнит Гагра — протекли века в ней,
И чудятся слова молитвы давней.
История так внятна и жива...
О многом скажешь, коль найдёшь слова.

Приблизьтесь же, минувшие столетья,
Поведайте, что пережито здесь!
Столь многое не в силах разглядеть я,
Но вы почти что рядом и поднесь.

Но время не удержишь... Вышли сроки...
Вы столь близки и всё-таки далёки!

* * *

Скажи, Цандрыпш, что ты в себе хранишь!
Звучна твоя таинственная тишь.
Что прячется и кличет?.. Я робею
И проникаюсь древностью твоею.

Строители молились, строя храм,
Завещанный грядущим временам.
Пред стариною делаясь моложе,
Я сердцем слышу песнопенье то же.

* * *

О, Лыхны, царский град и центр молений,
Твой древний храм — святыня поколений!
Когда-то Приснодеве посвящён,
Тысячелетье продержался он.

Я с юности запомнил, с дней блаженных
И росписи, и надписи на стенах,
И Слово Божье, прозвучав, как зов,
Меня влекло под сводчатый твой кров.

Цари Апсны любили это чудо,
Крестились тут и правили отсюда,
Рождались здесь... И хоронили их
Там, где придел теперь пустынно-тих...

Надгробье тут владыки Сафарбея¹²,
Священников могилы — во дворе.
И небо блещет, вечно голубея,
И наши горы в чистом серебре.

Апсны при Сафарбее, добровольно
Войдя в состав России, обрела

Защиту веры, с верой ожила
И в небеса взглянула богомольно.

А ведь ещё с пятнадцатого века
Здесь корни в почву запуская ислам.
Но Русь пришла, и отделилась Мекка,
И озарился православный храм.

Здесь благовест был слышен на заре,
И, густо собираясь во дворе,
Народ шёл в храм... Крестились, отпевали...
Звезда рассвета озаряла дали.

Судьбу страны на Лыхненской поляне¹³
Решали наши предки-поселяне.
Неправду сокрушал народный глас,
Господь всё видел, охраняя нас...

* * *

Главнейшее святилище Дыдрыпш,
Как высоко на взгорье ты стоишь!

И под тобой, на дне большого яра —
Красивое селенье Ачандара.

Твоё название означает “гром”.
К тебе рвались за правдой напролом,
Взыскуя грома, молниевое света,
И клятвой очищались от навета.

Ещё и до рождения Христа
Была священна эта высота.
И, жертвенных животных сердце, печень
Держа в руках, молились здесь о том,
Чтоб кто-нибудь из близких был излечен
И стал благополучен отчий дом.

Так за веками протекли века,
А странники всё шли издалека.
Решали споры, душу изливали,
Клялись, а иногда и проклинали.

Но вот и здесь, над высью перевала,
Христово солнце ярко воссияло.
И, мощь святого места испытав,
Воздвигли здесь же церкви архитрав¹⁴.

Во имя Богородицы Марии
Здесь зажигали свечи в дни былые.
И поднимали молодым вином
Тост за неё на празднике честном.

Но время шло... Сюда пришёл мулла,
Листал страницы грозного Корана,
И тень ислама на страну легла,
И вера предков сделалась туманна...

Столкнулись христианство и ислам,
Сошлись в боренье крест и полумесяц.

Огромный мир рассéчен пополам,
Свирепый вихрь народы гнёт и месит.

Сцепились две враждебные волны,
И в чём повинна бедная Апсны?

Но чтили в ней святилище Дыдрыпша,
Храм, и в жестоких бурях не погибший.
Страшились гнева силы, скрытой здесь,
Что умножалась прошлым и грядущим...

К высотам этим, к заповедным кушам
Не поднимались попусту поднесь.
Неуязвимость храм дарил абазгам,
Хранил народ в его единстве братском.

(А также чтили древние апсилы
Святилища в Илоре свет и силы...
Страшились вызвать у Дыдрыпша гнев,
Пред этой тайной мощью ослабев.

Из храмов лишь Дыдрыпш и с ним Илору
Главнейшими зовём и в эту пору...)

В обломках церковь, но кресты на камне
Напомнили минувшие века мне.
От колокола — только медный лом,
Но ведь и он вещает о былом,
Пречистую Марию восславляя!
Осталась здесь Её душа живая.
И даже состоящий из руин,
Остался храмом древний исполин.

* * *

Абхазия, о, Симон Кананит,
Доныне память о тебе хранит.
Любим пришедший к нам с Христовым словом,
И храм твой нерушим в Афоне Новом.

И там твоя священная могила,
Где власть тебя мучительно казнила.
И не один жестокий век истёк,
А богомольцев не иссяк поток.

Ты был убит рукой легионера,
Врагам твоя была несносна вера,
И на твоей земле вершили суд
Те, от которых милости не ждут.
Твоё ученье разъяряло римлян...
Всё это далеко, твой век задымлен...
Но ведай, пребывающий в раю,
Что Псырцха не забудет казнь твою!

Разгромлена здесь рать Мурвана Кру¹⁵,
Развеяна, как пепел на ветру.
По миру, воспаряя величаво
Прошла Анакопийской битвы слава.

Тогда-то и воздвигли этот храм...
Здесь правды торжество, злодея срам!
Абазги восклицали: “Славен Симон!” —
И верили: принёс победу им он...

И встала башня над тобой надгробьем
И памятником тем мечам и копьям.
Всем ведомо, что похоронен ты
Под сводом, свет струящим с высоты.

Здесь камни кровь окрасила густая,
Тем самым нашу землю освящая.
Ты здесь молился, здесь ты был убит...
Но смерть осилил Симон Кананит!
И монастырь средь Нового Афона
Твоё лелеет имя неуклонно.

В другом монастыре многокелейном
Восславлен и целитель Пантелеймон.
Приходят к этим росписям на стенах
Паломники не из одной страны,
И отблеск исцелений незабвенных
Соединился с обликом Апсны.

О, родины древнейшая столица!
Я верую: с твоих печальных дней
Тебя хранит Небесная Царица,
Склоняясь к Анакопии моей.

Да, шли враги, и было их немало,
Но и в чадающем пламени, в дыму
Сражался город, и его держала
Мария близко к сердцу своему.

* * *

...И возникает в памяти всё снова
Приезд сюда столь давний Глазунова¹⁶.
Мечтал своими он узреть глазами,
Как почитаем Симон Кананит,
И побывал в Новоафонском храме,
Который больше сотни лет стоит.

(Был здесь впервые...
С ним едва знаком,
Я стал тогда его проводником).

Вот мы в храм Пантелеймона вошли...
Я помню этот миг, хоть он вдали...
Лицо пришельца сразу засияло,
Когда увидел он весь блеск портала.

Он, из придела проходя в придел,
Всё, как родное нечто, оглядел.
На стены, на иконы зорко глядя,
Не пропустил он росписей ни пяди.

Любуясь видом, что великолепен,
Сам о деталях он поведал мне,
Сказал о том, что Нестеров и Репин
Созд́али школу, явную вполне...

И я, тогда внимая Глазунову,
Всё заново увидел, по-иному.
Тут истина сошла, как благодать,
И смог я сокровенное понять.

И для меня в моих исканьях Бога
Его молитвы значили так много.

Он говорил:
— Прекрасен этот храм,
Поистине, он свят и дорог нам!
Никем не тронут и, по счастью, стоек,
Он — из последних памятных построек
России царской пред её концом
И стал как будто зодчества венцом.

Воздвигнут, словно из последних сил,
Империей перед её кончиной!
А после рушил, а не возносил
Соборы век жестокий и бесчинный.

Судьба церковей российских удручает...
Лишь праведник спасенья в муках чаёт.
Но есть и Божий суд, он ждёт нас всех,
Воздастся и за святость, и за грех.

Так говорил художник, гневен, колок,
А взгляд был полон боли и тоски...
Писал он церкви, лица богомолков,
России уцелевшей уголки...

Он за Апсны молился, чьи святыни
Приехал повидать... Дивясь судьбине,
Нам заповедал: “Берегите их!”
Слова, что душу тронули глубоко,
Для нас звучали, как завет пророка...

А на полотнах он писал своих
Распятую Россию, чья дорога
Шла долго с Богом, а потом без Бога,
Был отнят Он... И стало всё убого.

...Не изменил он истине своей,
И откровенья я узнал всё те же,
Когда пришёл на выставку в Манеже, —
Дух Православья реял и над ней.

Вся русская история правдиво
Свободной кистью запечатлена!
Шли зрители увидеть это диво,
И в зал вступали — за волной волна...

Всё это было в тех далековатых,
Столь славных для него шестидесятых.

Пришлась на них и молодость моя.
Узнав его, тогда не думал я,
Что с живописцем познакомлюсь ближе
И у себя на родине увижу.

Увы, расстался с жизнью в эти дни,
Кода пишу поэмы этой строки,
Талант российский смелый и высокий,
В искусстве — царь, гигант, как ни взгляни!
Как молния, как проблеск озаренья.
Но... более, чем на одно мгновенье,
Возник твой яркий образ предо мной,
Когда ты посетил мой край родной.

Прошли года — сиянья смесь и тьмы,
Но словно бы не расставались мы!
Как будто вновь глядишь на эти стены
И тайны открываешь,

и хочу

Услышать снова голос вдохновенный,
И зажигаю за тебя свечу.

*Перевод с абхазского
М. Синельникова*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Имя Чёрного Иоанна и связанные с ним предания встречаются в древних архивных материалах Крестового монастыря в Иерусалиме и устной традиции.
- ² Марр Н. Я. (1864–1934) — академик, русский и советский ученый-востоковед, кавказовед, историк, этнограф, археолог, один из основоположников абхазоведения.
- ³ Цвель — влажная плесень.
- ⁴ Гегия Иоанн (убит в 1877 году в Лыхны) — абхазский священник, переводчик, учитель приходской школы.
- ⁵ Русско-турецкая война 1877–1878 годов.
- ⁶ Речь идёт о махаджирах, вынужденных покинуть родину.
- ⁷ Солея — в раннехристианской и византийской церкви проход, соединяющий алтарь и амвон.
- ⁸ Дырмит — Дмитрий Гулиа (1874–1960) — основоположник абхазской литературы, народный поэт Абхазии.
- ⁹ Лития — здесь: усердное моление.
- ¹⁰ Стратофил Питуунтский (IV век н. э.) — глава Пицундской христианской церкви, епископ, принимал участие в работе первого Никейского Вселенского собора (325) наряду с представителями 318 ведущих христианских поместных Церквей.
- ¹¹ Святой Ипатий Гагрский.
- ¹² Шервашидзе (Чачба) Сафарбей (Георгий) — владетельный князь Абхазии (1810–1821), при котором Абхазия была присоединена к России. Похоронен в Лыхненском храме.
- ¹³ Знаменитая Лыхненская поляна была местом, где издревле проходили (и по сей день проходят) народные сходы, на которых обсуждались самые важные вопросы. Здесь же отмечались праздники урожая, происходили скачки.
- ¹⁴ Архитрав — архитектурный термин; здесь: мощный поперечный брус, связывающий колонны или оконные и дверные проёмы.
- ¹⁵ Мурван Кру — арабский завоеватель (VIII век н. э.). Его прозвали Глухим — Кру — за жестокость и безучастие к людским страданиям.
- ¹⁶ Глазунов И. С. (1930–2017) — живописец, педагог, народный художник СССР.